

РОБЕРТО
ПАЦЦИ

В ПОИСКАХ
ИМПЕРАТОРА

Роберто Пацци

В поисках императора

«Алетейя»

1988

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6

Пацци Р.

В поисках императора / Р. Пацци — «Алетейя», 1988

ISBN 978-5-907115-23-1

Роман итальянского писателя и поэта Роберто Пацци посвящен последним дням жизни Николая II и его семьи, проведенным в доме Ипатьева в Екатеринбурге. Параллельно этой сюжетной линии развивается и другая – через Сибирь идет на помощь царю верный ему Преображенский полк. Книга лишь частично опирается на реальные события.

УДК 821.131.1

ББК 84(4Ита)6

ISBN 978-5-907115-23-1

© Пацци Р., 1988

© Алетейя, 1988

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Глава первая	11
Глава вторая	19
Глава третья	25
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роберто Пацци

В поисках императора

Публикуется по лицензионному соглашению с издательством “Bompiani” (Милан)

© Р. Пацци, 1988

© О. Страда, статья, 2018

© М. Г. Талалай, статья, 2018

© А. Ф. Эбель, пер. на русск. язык, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

***

Посвящается, Э., без которой я не смог бы искать Императора

Предисловие

Семейный портрет в интерьере, черно-белая фотография: в центре – Николай Второй и Александра Феодоровна, вокруг, словно белоснежные лепестки цветка, четыре царевны – Ольга, Анастасия, Татьяна, Мария, у ног Александры Феодоровны – цесаревич Алексей... Снимок, который Роберто Пацци увидел совсем юным, пробудил его воображение. В век, который подверг красоту деконструкции и заменил ее другими понятиями, изысканная и утонченная красота ликов Романовых отсылала к идее бессмертной красоты – той, что согласно Фоме Аквинскому включает цельность, созвучие и *claritas*, лучезарность.

Роман «В поисках императора» рожден созерцанием образа, несущего не только эстетический, но и этический свет. Так возникло повествование, отчетливо поделенное на два плана: первый проникнут сказочным, фантазийным началом, второй опирается на реальные исторические факты, на сохранившиеся свидетельства и документы.

В 1985 году, когда роман вышел в Италии, гибель царской семьи окутывал густой покров тайны, и до сих пор, несмотря на недавние открытия, покров этот до конца не снят. Среди источников, на которые опирался в своем повествовании Роберто Пацци, – книга следователя Николая Соколова (1882–1924) «Убийство царской семьи», которая вышла в 1925 году в Берлине после смерти автора и в которой собраны свидетельства тюремщиков и участников кровавых событий, произошедших в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, когда были убиты все члены семьи Романовых вместе с доктором Боткиным, поваром Харитоновым, горничной Демидовой и камердинером Труппом. Выжил только спаниель Алексея по кличке Джой, которого по иронии судьбы удалось переправить в Англию, ко двору Георга V, где он и окончил свои дни.

Лишь в 90-е годы в Италии стали появляться новые книги на эту тему – от «Дневников Николая II», под редакцией М. Боттацци, до книги М. Дории де Дзулиани «Царская семья. Последний акт трагедии». В этом смысле Роберто Пацци оказался первопроходцем, особенно если учесть, что его роман вышел в непростое для Италии время, когда еще преобладало пристрастное отношение к истории и стремление пересмотреть привычные взгляды отнюдь не приветствовалось.

И все же, хотя роман «В поисках императора» написан по следам реальных событий, в книге рассказана не произошедшая на самом деле история, а одна из возможных историй, которая разворачивается среди созданных писательским воображением картин России – реальной и одновременно выдуманной, населенной персонажами, которые словно шагнули из сна или старой киноплёнки с размытыми краями. Солдаты славного Преображенского полка под предводительством князя Ипсиланти идут по «однообразному, пустынному, безжизненному и бесцветному пейзажу», как писал Астольф де Кюстин. Они преодолевают самые разнообразные трудности, но ничего не добиваются: они словно погружены в густую материю сна, и судорожные попытки вырваться из нее лишь усиливают ощущение неподвижности.

В бесконечном путешествии по просторам Сибири, по «растворившемуся» пространству, которое «утратившие вес и телесность, ставшие тенями солдаты» пересекают в поисках Николая Второго и его семьи, многие критики справедливо подметили сходство с атмосферой романа Дино Буццати «Татарская пустыня», хотя офицер, главный герой романа Буццати, одержим идеей сражения с воображаемым врагом, а у Пацци речь идет о реальном враге – новом режиме, свергающем основы старого мира.

Вместе с тем, книга Пацци перекликается с другими иконографическими источниками – например, в эпизоде с Амброй, тигрицей – символом лесного духа, слышно эхо шедевра Акиро Куросавы «Дерсу Узала». Сцена безумия солдата, увидевшего свое отражение в зеркале, которое словно уводит его в иное психическое измерение, перекликается с историей Антонио

Лигабуэ – художника, прожившего сложную и полную горестей жизнь в наполненном символами «лесу» на берегах реки По.

Символическое содержание романа связано с переплетением двух планов повествования: рассказ о походе Преображенского полка через тайгу чередуется с потоком сознания бывшего царя Никола Второго и царевича Алексея – то всплывают обрывки воспоминаний, то вспыхивает и угасает надежда.

Нередко персонажи характеризуются через предметы, как в антикварной лавке, забитой драгоценными рукописями, которые покоряют удивительной красотой, но никак не связаны с сегодняшним днем и словно отсчитывают неумолимо спешащее к рубежу время. Рубежу эпохи, который великий князь Георгий, скончавшийся в 1899 году от чахотки, брат Николая Второго, отказался переступить.

Этому малоизвестному члену семейства Романовых Роберто Пацци посвятил в 1986 году роман «Принцесса и дракон» – побочную тему книги «В поисках императора».

Через оба романа красной нитью проходит глубокое чувство сострадания членам царской семьи, выпавшей им судьбе и особенно страшному концу, которых ждал их в Екатеринбурге, в Ипатьевском доме. «По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем», – отозвался Троцкий.

Но сила сострадания Роберто Пацци такова, что ослепительная красота, поразившая его в юности при виде фотографии царской семьи, заслоняет от наших глаз сцену неумолимо приближавшегося кровавого убийства и дарит читателю на последней странице книги светлый спасительный образ, ту самую *claritas*.

Ольга Страда

август 2018 г.,

Москва

Вступление

Не знаю, как воспримет русский читатель литературное вторжение в историю своей великой страны, совершенное итальянским поэтом и писателем. Возможно, он спросит себя, достаточно ли у автора знаний, чтобы описать в визионерском романе один из самых мрачных эпизодов российской истории. Возможно, трагедии, подобные той, что пережила царская семья, остаются в памяти всего человечества, а не только одного народа.

Прошло сто лет после убийства Романовых в Екатеринбурге, в подвале Ипатьевского дома, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Для меня весьма символично, что по случаю этой годовщины петербургское издательство «Алетейя» решило вновь опубликовать «В поисках императора» – мой дебютный роман, повествующий о последних днях Николая II, Александры Феодоровны, юных великих княжон Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и 14-летнего царевича Алексея.

В романе параллельно разворачиваются две истории – история Романовых и история верного им армейского подразделения, которое в созданном моим воображением мире пересекает Сибирь, дабы найти и освободить царя и его семью. Фантастически переосмысляя те трагические события, я представлял себя на месте царя и одновременно на месте одного из солдат, которые хотели его спасти. Как в моих любимых детских играх, когда мне нравилось быть или правителем или его самым верным слугой.

О русской революции в романе рассказано необычно – не с точки зрения победителей, а с точки зрения ее жертв. Поэтому опубликовать книгу в Италии оказалось непросто: в начале 1980-х годов я пытался найти издателя и получил пять отказов, прежде чем в 1985 году издательство «Мариетти» согласилось ее напечатать.

В те годы в Италии в издательском сообществе и среди интеллектуалов еще было сильно влияние марксизма, связанное, прежде всего, с туринским издательством «Эйнауди» и с самой влиятельной в Западной Европе компартией. Это было затяжной реакцией на фашистский режим. Моя фантазия романиста, больше склонного к эпике, чем к воцарившемуся в итальянской прозе реализму, воспринималась как проявление противоположного политического течения. Благодаря силе, которой наделено лишь поэтическое воображение, в какой-то степени роман стал предвестником падения советского строя.

Российский читатель удивится: как же так вышло, что итальянец, родившийся в 1946 году и не знающий по-русски ни слова, у себя дома, в Ферраре, городе Ариосто и Тассо, придумал эту историю, в июле 1980 года приступил к работе над книгой и написал ее на одном дыхании. На самом деле я вынашивал ее замысел свыше двадцати лет – с тех пор, когда в конце пятидесятых, когда мне было лет одиннадцать, впервые увидел в журнале «Эпока», выпускавшемся издательством «Мондадори», фотографию царской семьи, снятую в 1913 году, когда отмечалось трехсотлетие династии Романовых.

Это было подобно удару молнии. Любви с первого взгляда. Отец, мать, дети – все невероятно красивые. Та кой красоты не встретишь среди актеров и футболистов – кумиров, которых заслуживает моя оскверненная массовой культурой эпоха. В их лицах читалось утонченное, непреходящее очарование царственности. Изысканная красота, передающаяся из поколения в поколение благодаря крови и воспитанию. Красота, которую, как и гениальность, нельзя заслужить, нельзя развить или завоевать. С ней рождаются. Это несправедливо, недемократично, однако, благодаря своей таинственной природе, тому, что подобная красота – удел избранных, она по-прежнему воспринимается как символ божественных даров, которые получают не за заслуги, а по воле случая. Случай решает, что кто-то рождается королем, кто-то наделен гением Моцарта, кто-то с чертами Греты Гарбо. Нельзя выучиться на творческого гения, как нельзя заработать лицо божественной Греты. В царственности Романовых я смутно чувствовал тайну

того, чего невозможно добиться и что именно поэтому по-прежнему столь желанно. Подобный тип красоты хорошо описал Томас Манн в романах «Королевское высочество» и «Тонио Крегер», а также самый великий итальянский кинорежиссер Лукино Висконти в своих шедеврах «Людвиг» и «Леопард».

Впрочем, фотография царской семьи не поразила бы меня и роман не появился бы на свет, не прочитай я в журнале сопровождавший ее рассказ о страшном убийстве. Совершила которое расстрельная команда уральских большевиков в Екатеринбурге, где удерживали царскую семью: решение принял местный совет, испугавшись, что наступающие белые освободят Романовых. Насколько мне известно, у историков нет единого мнения по поводу того, знали ли Ленин о принятом решении. Одни говорят, что он был с ним согласен, другие – что ему пришлось с ним смириться, хотя он был категорически против. В любом случае в одиннадцать лет знать об этом и задавать себе подобные вопросы невозможно. Ребенку не понять, что такое революционное правосудие, если таковое вообще существует. Он чувствует только, где добро, а где зло. Так и я не мог понять победу варварства над красотой. В моем мозгу что-то шелкнуло и зародилось семя романа, который я написал двадцать три года спустя. Все это время, от одиннадцати до тридцати трех лет, я был буквально одержим этой трагедией, проглатывал все попадавшие мне книги о революции и о Романовых, чему способствовала природная тяга к России, которую я ощущал второй родиной. Во многом я открыл Россию благодаря литературе, прочтя в юности «Войну и мир» Толстого, «Идиота» Достоевского, рассказы Чехова, «Тараса Бульбу» Гоголя, «Доктора Живаго» Пастернака, но главное – «Мастера и Маргариту» Булгакова.

Спроси меня сегодня, что меня очаровывает в русском характере, я бы ответил, что это вечная тяга к абсолютному, которое в истории воплощается в крайних формах Добра и Зла, от Ивана Грозного до Сталина. В истории России всегда наблюдался яркий контраст между бесчеловечным насилием и стремлением к крайнему мистицизму, постоянная борьба между плотью и духом, как в характере величайшего русского писателя Льва Толстого сочетались францисканская христианская религиозность и бьющая через край языческая чувственность. Эта далекая от римской цивилизации земля, которую хотели поработить татары, которую в XIX веке Наполеон тщетно пытался присоединить к своей империи, а в XX веке Гитлер закабалить, – мост между Европой и Азией.

Роман «В поисках императора» вышел в Италии в 1985 году и был удостоен Премии Кампьялло, Премии Бергамо и Премии Хемингуэя. Книга неоднократно переиздавалась издательствами «Гардзанти», «Теа», а сегодня – «Бомпьяни», рецензии на нее появлялись во многих газетах, ее перевели на четырнадцать языков и опубликовали в крупнейших издательствах разных стран: «Knopf» (Нью-Йорк), «Grasset» (Париж), «Anagramma» (перевод на кастильский) и «Del quaderns sigma» (перевод на каталанский) (Барселона), «André Deutsch» (Лондон), «Otava» (Хельсинки), «Forum» (Копенгаген), «Benziger» (Цюрих), «Bert Bakker» (Амстердам), «Don Quixote» (Лиссабон) и многие другие. Ее издательская история еще не закончилась: в 2016 вышел перевод на арабский язык, а в 2017 году – на корейский.

В 2018 году благодаря издательству «Алетейя» новая редакция перевода романа будет официально представлена на книжной ярмарке Non/Fiction в Москве, почетным гостем которой в этом году является Италия. Впервые роман был издан в 1996 году, в том самом Екатеринбурге, где убили Романовых, по инициативе и в переводе Аллы Эбель (сейчас это издание не найти). Благодарю моего давнего приятеля, историка Михаила Талалая за редакторскую работу.

В 1990-е годы итальянский продюсер Тури Вазиле приобрел права на экранизацию романа и поручил снять фильм словацкому режиссеру Юраю Якубиско, обсудив проект с Никитой Михалковым. Однако из-за противоречий между итальянским продюсером и немецкой фирмой, которая должна была участвовать в производстве, из затеи ничего, увы, не вышло.

Вручаю российскому читателю эту книгу – признание в любви к России и ее истории, которую я поэтически переосмыслил: не столько исторический, сколько метафизический роман – Альфредо Джулиани первым подчеркнул это в рецензии, опубликованной в газете «Республика» от 7 марта 1985 года, а затем его мысль подхватил Мичико Какутани в своей рецензии, которая в 1988 году вышла в «Нью-Йорк Таймс».

Фотография Романовых, вдохновившая меня написать это произведение, помогла появиться на свет и другому труду, вышедшему немного спустя, – роману «Принцесса и дракон», который был опубликован в 1986 году издательством «Гардзанти» и попал в финал Премии «Стрега». Это еще более визионерское произведение, главный герой которого – брат Николая II, великий князь Георгий, умерший в двадцать семь лет от туберкулеза на Кавказе в 1899 году.

В июне 1983 года жизнь подарила мне возможность посетить некоторые из описанных мною мест, где разворачивается действие романа. Со мной тогда была спутница, которой и посвящена книга. Позднее, в сентябре 2011 года, по приглашению Пен-клуба и Министерства культуры России я проехал по Транссибирской магистрали до озера Байкал с девятью итальянскими писателями и журналистами. Так я впервые оказался в Екатеринбурге и увидел место, где стоял Ипатьевский дом и где сегодня возвышается храм Спаса-на-Крови.

Феррара,

август 2018 г.

перевод Анны Ямпольской

Глава первая

Телеграф в Вахитино молчал уже несколько месяцев. Городской голова Иван Александрович задумал было послать в Тобольск нарочных, да потом опомнился – на дворе февраль, не дойдут, замерзнут. Последние, еще летние, августовские сообщения были путаными. Передавали, что в Петербурге – а в Вахитино никто не называл столицу по-новому – происходило что-то странное: войска восстали против царя, но власть его восстановлена. Прошел, правда, слух, что сам царь в Тобольске. Но этому никто в городе не поверил.

– Ох, и языки у наших людей – точно помело! – ворчал, сокрушаясь, Иван Александрович. – Сам государь – и в Тобольске!

Вахитино было местом столь дальним, что татарские купцы, отбывая туда по весне с подводами, оставляли завещание. Теперь у городского головы было достаточно времени, чтобы препираться с супругой, Татьяной Илларионовной, – в его обязанности больше не входило объезжать с проверкой окрестности вдоль реки. Ушли с этих мест люди – слишком суровыми стали зимы, с такой-то стужей не повоюешь. Когда-то, вспоминали старики, и морозы были не такими свирепыми, и земля родила лучше, запасешься на зиму – и живи себе.

Теперь, когда реку сковал лед, Иван Александрович ездил по ней на санях, отводя глаза от брошенных, сразу почерневших и осевших домов, из которых соседи вытаскивали по бревну, словно поленья из поленицы, на обогрев своего жилья. Несложно было догадаться, что скоро зима обезлюдит и Вахитино, но когда об этом говорили в присутствии городского головы, он поднимал смельчака на смех. Ему казалось, что ничто не может помешать степенному чередованию лет, его старости и кончине, такой же умиротворенной, как и у его предшественников. Придет час, и он повторит их последний путь на кладбище за церковью в сопровождении священника и всех горожан, туда, где спят они вечным сном рядом со своими женами.

Но безмолвный телеграфный аппарат все же беспокоил Ивана Александровича.

– Что ж они там, в Тобольске, не понимают, что он сломан? Разве это мыслимо оставлять нас так на всю зиму!

– Ты думаешь, у них есть для тебя новости? Подожди, придет лето, пойдешь, наконец, и пересчитаешь свои столбы один за другим! – даже сейчас не удержалась, чтобы не поперечить мужу, Татьяна Афанасьевна, а ведь молчание губернского центра и вправду не могло затянуться на месяцы.

По воскресеньям Иван Александрович при парадном мундире отправлялся вместе с женой в церковь. Перо на ее шляпе колыхалось в такт пению, а в момент, когда все молились за государя и государыню, и сам голова присоединялся к поющим. Каждый день проверял он крепость, одно из немногих кирпичных строений в городе. «Никаких изменений, извольте осмотреть, все на месте», – докладывал ему комендант. Двадцать вахитинских ссыльных были по-прежнему здесь, так же как были на месте аптекарь, поп, жена городского головы, перо на ее шляпе и собаки за заборами, потому что здесь им и должно было быть.

Самым главным событием года в Вахитино была весенняя ярмарка, но и она не смогла бы наделать такого переполоха, какой вызвали вошедшие в город с юга, со стороны реки, солдаты Преображенского полка.

Тревогу забила Надя-дурочка, дочь прачки Нины, которая принялась метаться по улицам и верещать, как белка:

– Солдаты, солдаты, гляньте, люди добрые!

– Уймись, Надя, что за солдаты тебе мерещатся?!

– А девка-то правду говорит, смотрите!

В город, вслед за конными эстафетными, выпрашивающими, где городское начальство, входил полк. Солдаты шли под полковыми знаменами длинными походными колоннами, а за ними следовали артиллерия, груженные повозки, лошади. Они шли нескончаемым строем, печатая тяжелый и неровный шаг, с истощенными лицами и потухшими взглядами, будто побывали в таком месте, после которого их ничего уже не могло заинтересовать. Казалось, они не видят ни городских на улице, ни детей, ни женщин, ни вышедших им навстречу священника и коменданта крепости, ни даже самого городского голову.

Полковник князь Ипсиланти возвышался на лошади столь величественно, что казался ожившей статуей святого Георгия, которая стояла в городской церкви¹.

– Смотрите, там флейты и трубы, и еще барабаны! – сыновья Ионы-бакалейщика увидели полковой оркестр и стали пролезать прямо под телегами, на которых он двигался.

Солдаты, несмотря на усталость, шли под звуки марша – так приказал полковник. Едва завидев в свой бинокль городскую колокольню, он отдал распоряжение остановить полк, перестроиться в походные колонны и вступить в город под барабанный бой. Полковник поправил на шее ослепительно-белый шелковый шарф, будто собирался вводить свой полк не в Вахитино, а в сам Петроград, под Арку Главного штаба, навстречу государю императору.

Всегда замкнутый и сдержанный, не допускающий никакой фамильярности, никаких разговоров на дружеской ноге, князь тем не менее разделял все, что выпадало на долю его солдат, – грязь, непосильную бесконечную дорогу, морозы. День за днем он жил их жизнью с тех пор, как была потеряна последняя связь с верховным командованием.

Сам великий князь Николай² подал эту идею государю на последнем заседании Государственного совета:

– Не нравится мне наш Преображенский! Разве здесь ему место? Они еще с крымских кампаний с турками воевали, такими молодцами себя на южных границах показывали, ваше императорское величество! Туда их, на юго-восточный фронт!

И царь согласился.

Прежде чем поставить августейшую подпись на указе, Николай II помедлил, и золоченое перо замерло в воздухе.

– Царевич будет вашим почетным шефом.

– Эту честь полк будет отстаивать до последней капли крови, ваше величество! – ответил императору старший адъютант, вытянувшись по стойке смирно и щелкнув каблуками.

И полк из Галиции двинулся по нескончаемым российским дорогам за Каспий.

Командующий Преображенским полком князь Ипсиланти, друг великого князя Николая с детских лет, пытался помешать переброске. Ему претили восточные традиции: вечная азиатская привычка поддерживать мир, исподтишка готовясь к войне, противоречила его представлению о военной славе. Он хотел бы драться в Пруссии и Померании с немцами. Воспитанный в Париже в последние годы царствования Наполеона III матерью, греческой княгиней и дочерью маркиза Санторино, он с детства проникся ненавистью и презрением к азиатам, чувствами, которые греки всегда питали к ним.

И словно кому-то пришлось в голову подыграть гордому князю: ни одной стычки с южными соседями. Полк разбивал лагерь за лагерем в поисках возможных врагов, но те, по-видимому, были слишком заняты войной с англичанами.

Однажды мартовским воскресным утром, когда полковой священник заканчивал службу, в лагере раздались громкие крики.

---

¹ Нахождение статуи св. Георгия Победоносца в русском храме не следует считать вольностью автора: в Пермском крае, к примеру, была широко распространена деревянная церковная скульптура. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Великий князь Николай Николаевич младший (1856–1929), в 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий Русской армией.

– Полковник, извольте справиться, что там происходит! – бросил Ипсиланти сквозь зубы командующему одного из батальонов.

А случилось вот что: в лагерь завернули торговцы-евреи. Они рассказали, что в Петербурге большие беспорядки.

– А царь-то что же? – спрашивали солдаты.

– Неизвестно, где он. На фронте, наверно. Ходят слухи, что он отрекся.

Все это казалось совершенно невероятным, но князь почувствовал смутное беспокойство. Он изъявил желание лично поговорить с еврейскими торговцами и показать этим грязным людишкам, чья власть в России.

Но те уже исчезли, словно никогда и не появлялись.

– Может, они вашим солдатам во сне привиделись? – спросил князь капитана Кареля, который явился к нему с докладом.

С того дня по полку начала расплзаться нервная лихорадка. Многим она не давала уснуть длинными зимними ночами, когда утро все не наступало, а наступив, ничем не отличалось от ночи. Весны ждали как чуда, как освобождения, как подарка.

А зима не кончалась, и ночи не укорачивались. Уже много лет в этих местах не было такой холодной и снежной зимы, с морозами которой не сравниться даже холодам в год японской войны. Вокруг лежали бесконечные пространства без единого признака жилья, и не было никакой возможности понять точно, где же находится полк, помнилось только, что последние городские квартиры он оставил в ноябре.

Как это возможно держать здесь целый полк без единого указания, что делать дальше? Командующий решил сначала выслать на северо-запад десант, но потом передумал: двигаться в путь надо всем вместе. Ему так нужна связь с верховным командованием, чтобы вернуться в зону военных действий на западе, туда, где и должен находиться Преображенский.

А по лагерю продолжали ползти слухи, в которых каждый день появлялись новые подробности. Казалось, торговцы не исчезли, а продолжали нашептывать свое дни и ночи: царь на фронте и отрекся, царицу держат во дворце, как в тюрьме, а в самой столице восставшие части бьются с частями, верными царю. Кто-то даже говорил, что там провозгласили республику.

Это странное, подвешенное состояние не могло более продолжаться. Нужно было что-то делать, но что?

Та к начался этот поход, которому суждено было продлиться почти год.

– Пусть солдаты думают, что нам предписано двигаться в новом направлении с важнейшей стратегической целью. Нужно почаще напоминать им об их верности государю и солдатской чести, и прекратить наконец, слышите, прекратить эти деморализующие слухи! Я на вас рассчитываю, господа офицеры! Попробуем добраться до какого-нибудь города, откуда можно телеграфировать в Петроград. Нам всем ясно, что погода не благоприятствует маршу, но мы не можем находиться здесь вечно. Там льется кровь, там воюют и умирают. Царь не может обойтись без Преображенского полка, а мы – без его приказов. Я напоминаю вам о присяге в вечной верности, которую мы принесли священной персоне императора. Есть вопросы, господа?

– Есть, господин полковник. Сниматься с лагеря в такое время года – разве это не значит погубить людей, еще не добравшись до поля боя? – слово взял было командир второго батальона, полковник, который на штабных заседаниях всегда отмалчивался.

– Поле боя бывает разное, полковник, – ответил князь Ипсиланти. – Лично я полагаю, что погибнуть, выполняя присягу нашему государю – это смерть не менее почетная, чем в стычках с турками. Еще вопросы, господа? Прекрасно. Старший адъютант, сообщите штабу все детали. Мы отбываем сегодня в три часа пополудни. Боже, храни царя!

– Боже, храни царя! – эхом откликнулись офицеры.

В три часа дня полк снялся с лагеря.

Все были убеждены, что держат путь на северо-запад, через Урал, чтобы вернуться в Европу. Но по мере того как они шли, реки и озера, горы и холмы, указанные на карте, исчезали, уступая место бесконечной равнине, покрытой снегом и льдом, безжизненной и безлюдной. «Куда ведет нас этот безумец? Кто выступает походом зимой?» – эти вопросы задавал себе каждый, и чувство протеста все глубже пускало корни в душах офицеров и солдат.

Военврачи, следовавшие за полком в обозе, отмечали первые обморожения, конечности приходилось ампутировать, и были уже случаи со смертельным исходом.

На штабных заседаниях командиры подразделений докладывали князю Ипсиланти, что брожение в частях растет:

– И не потому, что мы двинулись в путь, господин полковник, а потому, что мы не знаем, куда идем. Вчера мой ординарец слышал, как капралы шептались о заговорщиках из какого-то взвода, которые готовят побег.

– Побег? Отсюда? Может, они шутили?

– Господин полковник, припасы заканчиваются, а обозным интендантам рты не заткнешь. А лошади? Нам пришлось пристрелить полсотни, когда началась эпидемия, и их даже нельзя было съесть.

– Побег? И куда же им вздумалось бежать? – князь никак не мог прийти в себя, столь безумной казалось ему подобная мысль. – Господа, я прошу вас поддерживать идеальную дисциплину. Те х, кто не хочет подчиняться, мы будем принуждать силой и наказывать. Если нужно, дезертиров и смутьянов будем расстреливать по законам военного времени. Мы на войне, господа.

Так, с большими потерями, но без остановок, Преображенский продолжал свой поход. В тех немногих селениях, которые встретились им на пути, никто не смог сообщить князю Ипсиланти, что же происходит в столице и на фронте, а разговоры о побеге, как и предполагал князь, прекратились сами собой – в какую сторону ни беги, дальше своей смерти не уйдешь. Запасы уменьшались, будто улетучивались, лошади и люди начали голодать.

Наконец наступило лето, и обозы пополнились мясом, сеном и новыми лошадьми. Князь пересчитал людей и реорганизовал полк так, чтобы меньше чувствовались потери. Он надеялся, что вот-вот удастся выйти на какой-нибудь большой тракт и двинуться по нему к столице. Полк шел все лето, пока впереди не показались столбы телеграфной линии, ведущей к Вахитино. Князь рассчитал, что за два дня они доберутся до города и телеграфного аппарата, и вздохнул с облегчением.

В тот момент, когда прозвучала команда «стой», городской голова уже предстал перед князем с чрезвычайно важным видом:

– Счастлив приветствовать вас в Вахитино, господин полковник! Имею честь представиться – Иван Александрович Тягунов, городской голова.

Князь спрыгнул с лошади.

– Князь Александр Илларионович Ипсиланти, мое почтение, госпожа. – И поцеловал руку Татьяне Афанасьевне, покрасневшей от смущения и удовольствия.

Сбежавшиеся на шум жители Вахитино окружили солдат. Одни протягивали им хлеб и кувшины с водой, другие выспрашивали новости и грустнели, а третьи недобро перешептывались:

– Вот вам, явились! Нам и себя-то не вмоготу прокормить, а теперь и солдаты на нашу голову!

– Глянь, что у них за лошади, – кожа да кости. И хворые какие! Сдохнут да еще и наших позарезят...

– Господи, забери их от нас подальше!

– А война? Что, побили уже немцев?

– До самого Берлина дошли?

«Так откуда же вы все-таки идете? Какого полка будете?» – вопрошал чуть позже Иван Александрович в своем кабинете, куда они с супругой пригласили всех полковых офицеров, которым и были по очереди представлены, после чего Та тьяна Афанасьевна бегом бросилась на кухню хлопотать об обеде. «Сам князь Ипсиланти, друг царя, в моем доме обедать будет!» – объявила она кухарке, и они вместе принялись выбирать, чем же попотчевать столь важного и редкого гостя.

В это время полковник докладывал городскому голове о том, в чем нуждаются его солдаты.

Время военное, и Иван Александрович сам прекрасно понимал, что без лошадей, сена, одежды и пищи солдатам не обойтись, даже если их придется добывать принудительным путем. «Ох, уж этот проклятый телеграф, – думал он про себя. – Если бы не поломка, можно было бы попросить инструкции у начальства. Надо ж было Преображенскому полку во всей Сибири выбрать именно наше забытое Богом Вахитино».

Закончив доклад, князь Ипсиланти попросил немедленно связаться с Петроградом.

– Каким образом, князь? Телеграфной связи у нас нет.

– Вы шутите, господин Тягунов?! А те телеграфные столбы, что мы видели вдоль дороги?

– Столбы-то, ваше превосходительство, имеются, да вот связи нет уже несколько месяцев.

Где-то оборвалась линия, и починить ее до лета нет никакой возможности.

Тяжелое молчание воцарилось в просторном кабинете вахитинского городского головы. Слышалось лишь поскрипывание под грузом бумаг, хранившихся после всех его предшественников, старых стальных шкафов, источенных древесным жучком.

Все двадцать офицеров Преображенского полка замерли, словно окаменев, и у милейшего Ивана Александровича мурашки побежали по спине: так они походили на статуи, на безжизненные могильные памятники. «Что тут такого, что телеграф не работает? Золотые вы мои, да он уже много месяцев не работает, и никто пока не умер. Все идет своим чередом, царь наш батюшка в Санкт-Петербурге, городской голова, слава Богу, на месте, ссыльные не буянят, курицы несутся, младшая дочь у Бориса трех близнецов родила... Вот зима кончится, придет лето и все наладится. И зачем им этот телеграф?»

Князь Ипсиланти смотрел застывшим взглядом в окно на избы, наполовину занесенные снегом, и до боли сжимал пальцы рук, сомкнутых за спиной. «Значит, сам черт завел меня сюда, – думал он. – Почему мы оказались именно в Вахитино? Один слепой наткнулся на другого. Этот городишко так же погружен в неизвестность, как и мы. Добрались наконец-то до второй половинки одного и того же яблока! Ты ждал нас, глупый городишко, и вот мы явились. Я вел их сюда на верную гибель почти год, от двух тысяч солдат осталась лишь половина! Теперь или мы станем твоей смертью, или ты нашей...»

Он медленно повернулся и, глядя мертвым взглядом куда-то поверх голов, проговорил:

– Господа, я решил продолжить поход через пятнадцать дней. Царь не может обойтись без Преображенского полка! Мы пойдем на запад и доберемся до Европы. Возможно, нам повезет, и мы встретим по пути город, в котором телеграф работает. – И он посмотрел прямо на Ивана Александровича.

«Да он не в себе, – подумал городской голова. – Для нас их уход – благословение Божье, а для них – верная смерть».

Командующий первым батальоном седой полковник Хабалов нарушил молчание и обратился к Тягунову:

– Ваше благородие, какие последние новости были из Петрограда, когда телеграф еще работал?

– Беспокойные, сударь мой, беспокойные! Что-то передавали о беспорядках, о том, что царь в Тобольске... Бессмыслица какая-то!

Князь Ипсиланти резко повернул голову:

– Что вы сказали? Царь в Тобольске?

– Да, князь, было одно сообщение в конце лета, такое путаное, связь то и дело прерывалась. Я понимаю, что дело это невозможное, но информирую вас по долгу своему, – ответил Иван Александрович.

– Что вы можете знать о том, что для нашего государя возможно, а что нет? Почему вы полагаете, что его императорское величество не может посетить своих сибирских владений? В прошлом году я был приглашен к нему на завтрак по случаю годовщины создания нашего полка, и его величество удостоил меня чести знать, что хотел бы посетить эти края и что после поездки на западный фронт собирается прибыть за Урал. Он на самом деле там, в Тобольске, наш царь! Господа офицеры, государь нуждается в нашей помощи! Извините за то, что придется провести заседание штаба в вашем доме, господин Тягунов.

Иван Александрович вышел, а князь Ипсиланти обратился к офицерам:

– Господа, мы с вами здесь, а государь – в Тобольске и ждет нас: вот то, что нужно внушить солдатам. И эту новость мы получили по телеграфу. Государь отдал нам ясный приказ: идти к нему как можно быстрее, чтобы вместе с ним возвратиться в Петроград. Преображенский полк, созданный еще Петром Великим, – это разящий меч в царственной руке! Царь не может вернуться и навести порядок в столице без нас. Господа, я ясно выразил свою мысль?

Офицеры уже поняли, что собирался предпринять их командир.

– А если кто-то из наших солдат уже узнал о том, что телеграф в городе не работает? Они не поверят нам.

– Все очень просто, у нас есть связисты, мы сделаем вид, что проводим операцию по починке линии. Нужно взорвать какой-нибудь холм, во время взрыва погибнут три человека, которых укажу я сам. Губернатор будет молчать. Ему на руку то, что мы покидаем город. Трое погибших спасут сотни жизней. Мои солдаты мне поверят.

Офицеры смотрели на князя в растерянности. И все же его решимость вызывала восхищение. Возразить было нечего. В Вахитино нельзя было больше оставаться, запаса продуктов не хватало даже для самих жителей, не только для солдат. В этих смутных и беспорядочных слухах должна быть хоть крупица правды, недаром вахитинские новости совпадали с болтовней тех торговцев. Царь, вероятно, – в непрестом положении. В любом случае стоило сообщить солдатам о том, что он в Тобольске и зовет их, это должно подбодрить бедняг перед новым маршем. Придется снова сыграть на их верности присяге, потому что остаться здесь означает приговорить всех к голодной смерти. Конечно, продолжение похода будет стоить новых жертв, но зато есть шанс выжить и победить, а значит, солгать им необходимо.

Снова был вызван Иван Александрович. Ему рассказали о плане действий, и все произошло именно так, как задумал князь. Трое связистов погибли во время взрыва, успев починить, по официальной версии, телеграфную линию. Жители Вахитино, довольные, что им недолго придется кормить лишние рты, гостеприимно открыли солдатам двери своих домов и свои сердца на шесть дней постоя, которые превратились в один нескончаемый праздник. Выпито было столько, сколько хватило бы на год размеренной жизни. Хотя половина запасов копченого мяса городского головы оказалась в обозе полка, он был доволен, потому что удалось спасти сено и лекарства, а также кое-что еще, предусмотрительно им припрятанное.

Правда, после известия о починке телеграфа в городе началось паломничество на почту, но на дверях ее прибили объявление, собственноручно Иваном Александровичем подписанное: «Телеграфный аппарат реквизирован в обоз Преображенского полка до конца месяца».

Кто-то начал протестовать, как же, мол, это так, но уже на следующий день воцарилось прежнее безмятежное спокойствие, и полицейский караул, выставленный у желтого домика почты, недоумевал, зачем его тут держат: «Мороз трещит, стоим, братцы, зазря у этого объявления. Уже все посмотрели, по второму разу, поди, не пойдут!»

Тобольск был далеко, но все же не на другой стороне земли. В теплое время года туда добирались за несколько недель, но сколько времени для этого потребуется зимой и самому Ивану Александровичу было непросто определить.

Татьяна Афанасьевна, узнав от мужа, что полк отправляется в Тобольск, потихоньку перекрестилась:

– Спаси их, Мать Божия, спаси и сохрани этих безумцев... Как же вы, Иван Александрович, такое допускаете?!

Впрочем, на этот раз ему довольно быстро удалось убедить супругу в том, что ничего другого и не остается делать, кроме как отпустить их на общее благо.

Князь Ипсиланти сам объявил новость солдатам, собирая батальоны по очереди. Долгих уговоров не потребовалось. Чтобы поднять боевой дух в полку, достаточно было сообщить им о том, что царь в Тобольске и приказывает им идти к нему.

– Государь вернется в Петроград во главе Преображенского полка! – были последние слова князя, обращенные к сильно поредевшей войску. Конца своей фразы он не услышал, потому что мощный хор подхватил:

– В Петроград! В Петроград! Да здравствует государь!

В день отправления старший адъютант отыскал князя Ипсиланти, обходившего с инспекцией полковые орудия:

– Господин полковник, разрешите обратиться! Вас с утра ждет один человек, требует допустить прямо к вашему превосходительству.

– Кто это?

– Местный сапожник, он уже несколько часов стоит у штаба и повторяет, что должен лично поговорить с вами.

Это действительно был сапожник, который пришел, чтобы попроситься в поход вместе с полком. Государь наш батюшка, дескать, призвал всех своих верных слуг на помощь, и он, Борис Черняев, не может оставаться в Вахитино, подбивая подметки.

– Ради всего святого, да кто вам такое сказал?! Государь император по-прежнему у власти и не нуждается в ничьей помощи! Кто распустил эти слухи?

Но немолодой уже сапожник продолжал настаивать на своем. Не такой он дурак, чтобы не понять, что в Тобольске что-то неладно. Он умолял полковника принять его в свой полк и повести в бой, а воевать он умеет, он еще по молодости с турками воевал, а потом ранен был на японской...

Князю пришлось призвать на помощь весь свой дар убеждения, чтобы успокоить странного визитера. Он рассказал ему о своей последней поездке в Царское Село, об акварелях великой княжны Анастасии, о возможной свадьбе княжны Марии, о великом милосердии царицы, которая пожертвовала свои драгоценности иконе Владимирской Божьей Матери, чудотворной иконе, которая когда-то остановила полчища Та мерлана и принесла победу России.

– А наследник? Наследник что же? – допрашивал увлекшийся Борис.

Когда старший адъютант явился, чтобы поставить подпись на очередной приказ, он увидел, что князь Ипсиланти и сапожник сидят рядом и курят сигары. Князь продолжал рассказывать о царской семье, будто бы только что оставил дворец. Он говорил с Черняевым как со старым другом, сетовал на то, что его величество слишком суров со старшими дочерьми, Ольгой и Татьяной, а царица чрезмерно балует Алексея – наследник престола не должен быть изнеженным...

Договорились они на том, что, как только полк прибывает в Петроград, князь пошлет телеграмму в Вахитино и вызовет Бориса к себе.

– Не удивляйтесь, майор, эти люди и есть наша великая империя, – сказал полковник после своему старшему адъютанту, изумленному такой снисходительностью обычно столь сдержанного князя.

Борис вернулся домой совершенно успокоенным и разрешил дочерям пойти посмотреть на солдат, покидающих город, продолжая думать об Ольге и Татьяне, о том, как им, бедняжкам, несладко при таких притеснениях в свои двадцать лет.

– Царь, он тоже понимать должен, молодежь – она молодежь и есть, – приговаривал он, вколачивая гвозди в сапоги Гришки-татарина, мясника.

Преображенский полк выступил маршем на Тобольск в последнее воскресенье февраля.

В Вахитино месяц шел за месяцем без всяких известий, а Борис томился от ожидания и грустнел. Его жена заметила, что каждый день после ужина он стал уходить в мастерскую, откуда слышался стук молотка и его бормотанье. Она попыталась выведать, что за таинственную работу нашел себе муж, но тот не пускал ее внутрь, повторяя снова и снова: «Потерпи, скоро увидишь...»

Однажды вечером, уже в апреле, Борис позвал жену к себе и показал ей пару сапог невиданной красоты. Тр удно было поверить в то, что они были сделаны этими самими руками. Белые с красным кантом, головки у гвоздиков золоченые, а подковы и носочки – серебряные. Борис увидел их в книжке своего младшего сына: на картинке верхом на лошади сидел какой-то важный барин, по всему видать царь или король, и на нем были в точности такие сапоги.

– Андрюха, прочти-ка мне вслух, что тут написано, – попросил он сына, тыкая пальцем в подпись под картинкой.

– На-по-ле-он в Ва-тер-лоо.

Анна, увидев сапоги, так и обмерла, округлив глаза:

– Да ты ли их сделал? Для кого? На кого ж такую красоту надеть можно?

– На государя-батюшку, на кого ж еще.

На следующий день ожил телеграф и вахитинский почтмейстер наярив глаза, чтобы рассмотреть, что написано на узеньких полосках голубой бумаги: «Царь конвоем Тобольске тчк Республика Советов приветствует товарищей Вахитино тчк Тобольский Совет рабочих крестьянских солдатских депутатов тчк».

Глава вторая

Если так напряженно прислушиваться к стрельбе, можно сойти с ума. Целыми днями белые обстреливали город, и звуки канонады раздавались все ближе и ближе. Караульный шепотом рассказал Харитонову, что в двух домах на набережной ударной волной выбило все стекла. Господи, такая духота даже вечером! А окна открывать запрещено. И караульному, молодому парню по имени Дмитрий, отвечать на вопросы тоже запрещено, хотя изредка он все же уступает мольбам бывшего царского повара. Снизу слышен мерный и тяжелый шаг охранников, из кухни доносится неприятный запах вареной фасоли, из прихожей потягивает дымом солдатской трубки. Кажется, этот Дмитрий все чаще заглядывается на Марию. Похоже, из всех охранников царской семьи, перевезенной из Тобольска сюда, в Екатеринбург, в реквизированный большевиками дом инженера Ипатьева, лишь он один чувствует себя не в своей тарелке. Если бы можно было снова оказаться в Тобольске! Там так легко дышалось, все вокруг были предупредительны и, казалось, желали им добра. Частенько охранникам приходилось прекращать прогулку раньше положенного часа, потому что на улице собиралась толпа из желающих поцеловать руку своему государю. В том затерянном в Сибири городке царственным узникам казалось, что они почти на свободе.

Само время в Тобольске, казалось, замедляло свой бег. Город плыл над рекою, плыли одноэтажные халупы бедняков и просторные особняки купечества, плыли бесчисленные монастыри и церкви. Тобольский епископ Гермоген³, слепой и высохший от старости, регулярно получал послания от императрицы-матери, которая призывала его возглавить контрреволюционное движение во спасение Отечества так же, как когда-то его тезка, святитель Гермоген⁴, возглавил борьбу с иноземцами.

Бедная Матан⁵! Если бы она только видела, как обращаются с царем и царицей всея Руси здесь, в Екатеринбурге... Хорошо, что она теперь в Крыму, и свободна, и может сесть на любой английский корабль... Счастлив и его брат Георгий⁶, который почил в 1899 году, в период расцвета царского дома, словно отказавшись переступить порог нового века, оставив все муки и бесславные поражения братьям.

Уже давно он, Николай, не тешил себя иллюзиями. Он чувствовал, что его Россия разбужена, растревожена могучими темными силами и не живет более по законам общественным. Она вернулась к инстинктивным, природным и глубоким своим корням, как некогда, под монголо-татарами. Она собирала силы и готовилась к прорыву в будущее, в котором он, Николай, был ей не нужен, и ради которого можно было принести его в жертву. Ни одному белому полку не удастся спасти его. Теперь все они – уже тени. Все кончено.

Он вспомнил, как утром первого марта 1917 года царский поезд прибыл в Псков. На вокзале никто их не ждал, никто не оказывал обычных почестей, на перроне стояли только генерал Рузский⁷ и его помощник. Это они объявили ему о том, что гарнизоны Петрограда и Царского Села, а также гвардейцы и казаки императорского эскорта отказались выполнять приказы офицеров и переметнулись на сторону восставших.

---

³ Владыка Гермоген (Доганёв), с марта 1917 г. епископ Тобольский и Сибирский; казнен (утоплен в р. Тура близ Тобольска) 29 июня 1918 г.; в 2001 г. причислен РПЦ МП к лику святых.

⁴ Св. патриарх Гермоген (ок. 1530–1612), церковный и общественный деятель эпохи Смутного времени.

⁵ Императрица Мария Феодоровна (1847–1928).

⁶ Великий князь Георгий Александрович (1871–1899). Его судьбе автор посвятил свой второй роман, «La principessa e il drago» (1986).

⁷ Николай Владимирович Рузский (1854–1918), генерал, главнокомандующий Северным фронтом, заговорщик, участник февральского переворота.

Даже в своих самых смелых фантазиях, даже в самых сокровенных снах о долгожданном избавлении от тяжкого бремени власти он не мог представить себе такого стремительного обвала. Старый камердинер его отца принес поднос с завтраком и, прежде чем откланяться, посмотрел на него внимательней обыкновенного. Рузский поспешил связаться с Родзянко⁸ в Петрограде, чтобы предложить тому пост премьер-министра со всеми полномочиями внутри страны: другого выбора не было. Аликс звонила из Царского Села, уговаривая пойти на уступки.

Сам он, сидя за письменным столом в ожидании ответа из столицы, нервно вертел в руках нож для открывания писем. Когда-то, много лет назад, он купил этот нож в Париже... Однажды утром он проснулся с желанием прогуляться пешком, без сопровождающих и утомительных церемоний, положенных по протоколу. Его отвели на улицу Фобург-Сент-Оноре, где в витрине ювелирного магазинчика он заметил этот нож с драгоценной рукояткой из слоновой кости, инкрустированной золотом. Изготовленный неизвестным мастером шестнадцатого века, нож пережил множество владельцев, прежде чем октябрьским утром 1896 года оказался в руках русского царя. Последнего русского царя... Он все еще здесь, под рукой, на письменном столе в вагоне императорского поезда, где и был все эти двадцать лет. Так и колокольня псковского кафедрального собора, построенная в пятнадцатом веке, пережив все режимы, войны и нашествия, плывет теперь мимо него, ожидающего с телефонным звонком решения своей судьбы, устремленная в небо и безразличная.

Пока он вертел в руках безделушку, все еще было возможно. Он написал на листке бумаги свое имя и промокнул его, а потом внимательно посмотрел на его зеркальный отпечаток на пресс-папье. Да, пока они одно целое; его власть еще заложена в этих значках на листе бумаги, в подписи, которая за двадцать три года тысячи и тысячи раз размножалась на указах. Пара при дыхании больше не было, выключенные два часа назад обогреватели остывали. Письменный прибор, подаренный ему персидским шахом, был вычищен до блеска, и серебро сияло. Часы, вдавленные в серую стенную обшивку, замерли на одиннадцати часах тридцати шести минутах. Ему не нравилось их назойливое тиканье; пускаясь в путь, он тут же их оставлял. Непонятно зачем, но часы снова и снова заводили, хотя давно пора было понять, что хозяину кабинета они не по душе. Он провел пальцем по комоду – ни одной пылинки. Позвонил в колокольчик, стоявший на письменном столе: пусть принесут газеты. Дверь открылась, и оттуда поплыл аппетитный запах. В кухне, которая размещалась двумя вагонами дальше, Харитонов вместе с помощниками готовил завтрак для всего кортежа, словно дело происходило двумя месяцами раньше. Да, будет еще и завтрак... И тогда они уже узнают ответ, который решит все за всех и навсегда...

Позже Родзянко объявил ему по телефону совершенно твердо, что спасти русскую монархию может только отречение царя от престола в пользу наследника Алексея, который до совершеннолетия будет иметь регентом Михаила. Пока Рузский разговаривал по телефону, лицо Николая странно разгладилось, как будто с него совершенно спало напряжение. Теперь оставалось только связаться со всеми генералами, командующими фронтами, и как можно быстрее. Пусть они решают, что делать с отречением.

Алексеев⁹ и Рузский вышли из вагона и направились в здание вокзала, чтобы позвонить в штабы фронтов, разбросанных по разным концам России, а Николай снова остался один, чтобы ждать.

Утром второго марта, в четверг, Рузский принес телеграммы с ответами, и камердинер поставил серебряный поднос с конвертами на письменный стол. Николай спокойно взял

---

⁸ Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924), лидер партии октябристов, председатель Государственной думы.

⁹ Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918), начальник штаба верховного главнокомандующего, в феврале 1917 г. выступил за отречение Николая II.

старинный нож и начал разрезать голубую бумагу конвертов императорской почты, стараясь не повредить штемпелей с указанием даты, времени, места отправления и количества слов. Теперь они важны для истории, не для него. Он уже не царь, если это зависит от ответа собственных генералов. А те были единомышленны: он должен отречься. Он поднялся из кресла, открыл окно и приподнял занавеску – он чувствовал, что задыхается. Но это не помогло. Наверное, нужно уехать с этой платформы. Или вообще из города. А если и там, на открытом пространстве, ему не хватит воздуха? Куда ему бежать? Ему придется подписать отречение в поезде. Что ж, самые важные события в России часто происходили на колесах.

Он вспомнил первую ночь после ареста. Его лишили свободы восьмого марта, когда он на своем поезде въехал в Могилев, в Ставку верховного главнокомандующего, чтобы попрощаться с войсками. Той ночью, уединившись в своем купе, он начал неторопливо раздеваться в полутьме. Горели лишь лампы под иконами. Он один и под стражей, в неведении, куда едет и как долго протянется его заточение. Он присел на край кровати и прислушался. Поезд проходил через какую-то крупную узловую станцию, было слышно, как на развилках менялось направление путей, и вагон то и дело кренился из стороны в сторону, когда состав поворачивал. Дрожали и позвякивали хрустальные стаканы на подносе с водой, который ему ставили на ночь рядом с кроватью. Подрагивающая и мерцающая слабыми бликами в тусклом свете лампы вода в графине восхитила его и загипнотизировала; своим непрерывным колыханием она словно подталкивала его посмотреть на происходящее с иной стороны. В любой точке земного шара и в любой момент истории существовали люди, похожие на него, то есть узники, которые не знали ни того, в чем их обвиняют, ни того, когда наступит их последний час. Ах, если бы вдруг открылась дверь и появился сам Царь всех царей, и стал бы ему, Николаю, ближайшим другом и почитаемым отцом, который может все-все объяснить, который сильнее, смелее, умнее его...

Поезд замедлил ход, он подошел к новой станции и пополз мимо перрона, как ползет в узком проходе змея. Он почти остановился, а потом вдруг снова ринулся вперед, словно стремясь убежать от какой-то опасности. Все огни в императорском составе были погашены. В первом и последнем вагонах теперь располагались солдаты восставших против царя частей, представители новой власти.

Он сошел с этого поезда в последний раз девятого марта в Царском Селе, и состав откатили на заброшенный запасной путь, словно в небытие. Князь Долгоруков¹⁰ и старый камердинер пришли, чтобы помочь ему собрать вещи и вынести чемоданы. Французский нож для бумаги был им намеренно оставлен на столе. Пускай он попадет в руки новых властителей и в один прекрасный день послужит и им для того, чтобы вскрыть конверт с «сюрпризом», который, когда наступит их черед, приготовит власть им самим. Он не хотел брать с собой вещей, которые его окружали здесь. Ему казалось, что они должны оставаться на своем месте и тогда, когда самый главный российский поезд, уже без золоченых гербов с голубой эмалью, повезет по необъятным просторам страны новых своих пассажиров, тех, кто придет вслед за ним.

С того дня начался их семейный плен, бессрочное заключение, которое день за днем привело их к душному июльскому вечеру в доме Ипатьева. Он, Николай, изменился, стал молчалив и не участвовал больше в разговорах детей. Раньше всех это заметил Алексей, когда задумался, как теперь они отпразднуют тридцатое июля, его день рождения. Год назад в маленьком празднике приняли участие все, даже солдаты, они тоже пели и танцевали. А сейчас? Что придет в голову этим, новым? Солдаты, которые охраняли их здесь, нисколько не походили на тобольских. А на караул в Царском Селе тем более. Эти только и знали, что унижать их семью. Отца они называли Николашкой Кровавым. Какие они разные, солдаты... В Петрограде солдаты императорской гвардии казались такими счастливыми, когда видели его отца, спускаю-

---

¹⁰ Князь Василий Александрович Долгоруков (1868–1918), генерал-майор свиты Его Императорского Величества.

щегося к казармам, расположенным рядом с Зимним дворцом. Нет, они на самом деле любили царя и его, царевича. Разве раньше он мог подумать, что кто-то из солдат не любит царя? А вот эти, ипатьевские? Может быть, у них есть какой-то другой царь, которого они любят? Здесь их начальником был Юровский¹¹, отвратительный костлявый и длинный человек, от которого никто не ждал ничего хорошего. Но однажды утром этот грубиян остановил доктора, чтобы поговорить о здоровье наследника, и с большим интересом выслушал доклад о лечении, которое проводится против гемофилии. Его мать истолковала это необычное внимание как знак будущих послаблений в режиме, впрочем, она никогда слишком хорошо не разбиралась в ситуации. Когда они вместе с солдатами садились за стол, этот человек никогда не разговаривал, и его ледяное молчание, его презрение замораживали всех вокруг. Выпрямленная спина, мертвенно-бледное лицо. Хотя до него можно было дотронуться рукой, казалось, что он где-то далеко-далеко, совсем отдельно от них...

Вот маме никогда не удавалось быть такой любезной, как отцу, который часто заговаривал с караульными, красными солдатами. Наверное, он очень устал от ее бесконечных вопросов. Как только они оказывались одни в своей спальне, он сразу же притворялся спящим, но это не помогало. Переходя от лихорадочного возбуждения к глубокому отчаянию, она была уверена, что муж от нее что-то утаивает. Сколько раз за эти месяцы маска вынужденного спокойствия слетала с ее лица, как только закрывалась дверь в спальню! Настойчивый и истерический шепот Аликс, еще одна попытка вдобавок ко всем остальным, просверливала царя насквозь:

– ...ведь должен быть какой-то способ добраться до белых, Ники. Ты знаешь, ты должен знать кого-то в этом доме, в этом городе, на кого можно положиться, кто будет молчать, кто сохранит тайну, они ждут только сигнала из наших окон. Ты же видишь, как они следят, чтобы мы не открывали окон, всегда закрывают ставни... Мы не можем сидеть здесь вечно, ничего не предпринимая, мы должны что-то сделать, мы не позволим уничтожить нас так просто. Ники, подумай о своих детях... Скажи мне, ты ведь знаешь, как мы можем спастись, не скрывай от меня, что нам нужно сделать, ты давно знаешь это, но ничего не хочешь сказать мне...

Прежде чем нервный всплеск заканчивался неудержимым потоком слез, Николай поднимался с постели, чтобы позвать доктора Боткина¹². Укол погружал Аликс в беспокойный сон, почти ничем не отличавшийся от искореженной реальности, в которой она жила. Николай молча ждал, пока она затихнет. Приходила желанная тишина, но с нею просыпались призраки, просыпались мучившие его вопросы. Кто на самом деле эти революционеры? Ленин... Может, он лишь один из тех, кого разбушевавшаяся гроза выбрасывает на прибрежный песок, чтобы тут же смыть волной? Где сейчас Керенский, которого тоже затянуло в водоворот, несущий в бездну и хаос всех без разбора?

Однажды много лет назад, когда правил его отец и еще не было принято решение во избежание покушений отправляться в путь на поезде только в сопровождении составов, копировавших царский и шедших один впереди, а другой сзади него, императорскому конвою пришлось остановить поезд царя из-за подложенной в вагон бомбы. Заговорщиков, которые попытались бежать, удалось схватить – они не успели уйти далеко.

Вопреки всем правилам Александр III захотел посмотреть на террористов, и их привели и поставили перед ним, оборванных и избитых в стычке с гвардейцами, которым они пытались оказать сопротивление. Пятнадцатилетнему Николаю они показались прекрасными. Его чувства металось между восхищением и страхом, ему хотелось открыть окно в вагоне и бежать вместе с ними, прорваться сквозь заслон ретивых полицейских, полевых адъютантов, железнодорожных смотрителей, найти укрытие в бесконечных лесах, и разговаривать с ними, и зада-

---

¹¹ Яков Михайлович Юровский (наст. имя Янкель Хаимович; 1878–1938), революционер, руководитель расстрела царской семьи.

¹² Евгений Сергеевич Боткин (1865–1918), царский лейб-медик.

вать им вопросы, много вопросов, не только тот, который задал его отец – почему они это сделали? И он сбежал, но только не в поле, а в один из последних вагонов, чтобы не видеть, как их волокут прочь. Одного из них, самого опасного из всей четверки, он запомнил на всю жизнь: высокий, светловолосый, крепкий, глаза зеленые и прищуренные. После этот бомбист часто снился Николаю, и всегда в одном и том же сне. В Ливадии, на черноморском пляже, он выходил из воды, улыбался прищуренными глазами. Они бросались друг на друга и начинали бороться, боролись долго, но всегда побеждал тот, другой, оставляя Николая лежать на темном, почти черном песке. Потом бомбист рывком поднимался, бросался в море и исчезал маленькой плывущей точкой вдаль. На этом месте сон всегда обрывался. Кто он был? Революционер? Николай знал лишь то, что его противник с зелеными кошачьими глазами – это борец, и борец посильнее его, Николая.

Тогда в поезде отец несколько раз присылал за сыном, справлялся, почему тот убежал так стремительно, не дождавшись, пока, закончится допрос. Николай не знал, что ответить, и отец расценил его молчание и бегство как слабость и инфантильность – ужасные пороки для будущего государя.

Никто и никогда в России не мог понять, что значит быть царским сыном. Эти двое всегда глядели друг на друга словно в зеркало: царь и наследник. Первый мог позволить себе все, а второй – ничего, даже когда речь шла о самом личном, самом сокровенном... Все контролировалось, все обсуждалось и решалось за него другими. Любой мужик, закончив работу, был свободен и мог пойти и спокойно выпить рюмочку-другую, но царевич, пока был жив его отец, не мог почувствовать себя свободным ни на минуту. Потом отец умирал, и сын, прежде самый бесправный раб во всей империи, в один день становился самым могущественным господином и самым свободным человеком. Это фантастическое превращение повторялось из века в век и делало для России недостижимым заветный скипетр свободы. В гнезде, устроенном таким образом, могла вылупиться только власть, подобная уже существующей, с умелым от многократного повторения усердием свобода убивалась сразу же при рождении. Та к шла Россия через века, минуя ловушки опасных иллюзий демократии. Но иллюзией было и то, что царь – свободен, правда, об этом узнавал лишь царевич, и только тогда, когда перед ним, унаследовавшим престол, склонялся весь двор, чтобы поприветствовать Его Императорское Величество. Вместо указов, которые в его мечтах так разительно отличались от отцовских, были такими смелыми, неся народу долгожданную свободу, вместо таких указов после первых же недель правления из-под пера молодого царя выходило нечто мало отличимое от родительского. Царская свобода кончалась в тот же день, когда заканчивалось ее ожидание и наследник становился государем. Но сейчас они оба, и царь и царевич, – в доме Ипатьева и лишены свободы насильственно. Царь не догадывался, что сын во всем винит именно его и никогда не простит ему того, что случилось.

С недавнего времени рядом с Алексеем уже не было его дядьки – матроса Нагорного¹³, который прежде сопровождал царевича повсюду, чтобы умерять мальчишеские порывы, опасные при болезни наследника. Теперь Николай сам носил Алексея на руках. Он и представить себе не мог, что его сын не примет отречения. Та к же, как не принял бы отречения и его отец, Александр III. Алексей любил военных, среди них он не чувствовал себя больным. Мальчик не считал свою болезнь причиной, уважительной для отказа от трона, и был абсолютно уверен в своем высоком предназначении для высших обязанностей, которые пока исполнял отец, не вкладывая в них той убежденности и того усердия, которое мог бы вложить он, Алексей. Он бы никогда не позволил дяде Николаю уйти на фронт, чтобы стать таким знаменитым, таким славным военачальником, он бы сам пошел биться с немцами.

¹³ Климентий Григорьевич Нагорный (1887–1918), матрос гвардейского экипажа, дядька цесаревича Алексея.

Его отец отрекся и за себя и за сына в пользу дяди Михаила¹⁴, такого вялого и чужого России. Как он мог? Только потому, что сын был немного болен и последнее время не вставал на ноги? Ведь он знал, как нравится сыну приходить на заседания верховного главнокомандования, слушать генералов, которые на огромных картах империи показывали царю перемещение войск, сдвигая то туда, то сюда разноцветные флажки полков.

Однажды во время поездки по Днепру в первое лето войны отец приказал своему шоферу оторваться от автомобилей с конвоем и повез Алексея к реке. Небольшой пустынный берег, покрытый темной влажной галькой... Николай стал раздеваться, приглашая сына искупаться. Он играл с Алексеем в воде, стараясь не отходить от берега дальше, чем на несколько метров, нырял и брызгался. Они так увлеклись спором, кто дольше просидит под водой, что забыли о шофере, о генералах, об адъютантах и военных советниках.

– Папа, а если бы появились немцы? Представляешь, какие бы у них были лица, если бы они узнали, кто мы! Вот, если бы они нас так увидели!

– Они бы от души посмеялись и ушли...

Но Алексей вдруг посерьезнел:

– Если бы на нас была форма, они бы забрали нас в плен. Разве мы не остаемся сами собой, когда раздеваемся?

– Это все война, сын.

– Значит, если бы все были голые, войны бы не было?

– Но ведь тебе нравится играть в войну?

– А как же!

И Алексей побежал на берег одеваться, вспомнив, что отец обещал вместе с ним прочитать статью в военном журнале, посвященную отбытию на восточный фронт Преображенского полка, того самого, которым командовал знаменитый полковник Ипсиланти.

---

¹⁴ Великий князь Михаил Александрович (1878–1918).

Глава третья

Преображенский полк выступил с маршем на Тобольск в последнее воскресенье февраля. Впереди колонны ехал на коне невозмутимый и величественный князь Ипсиланти.

И словно само небо решило вдруг побаловать их хорошей погодой, необычной для этого времени года в Сибири, утихомирив все ветры и рассеяв все тучи. «Возможно ли, чтобы больше не было ни снега, ни выюги? Сколько продлится это затишье?» – не переставал задавать себе вопросы князь, разглядывая каждый вечер звездное небо, непривычно яркое и прозрачное. Дни шли, вокруг было все то же бесконечное снежное пространство, раскинувшееся на тысячи километров, – беспредельная Россия. Вечером офицеры собирались у костра и Ипсиланти пытался поговорить с ними откровенно: он не слишком-то верил их ежедневным рапортам, подаваемым ему через адъютанта. Могло даже показаться, что князю доставляло удовольствие видеть их колебания и неуверенность. Он словно хотел выбить их из колеи, разрушить то приподнятое настроение, которое царило среди его подчиненных в первые дни марша, когда все мрачные предчувствия были убаюканы покоем бесконечной белизны и благоволением природы, спрятавшей, словно кошка, свои острые когти – выюги и метели.

– Постарайтесь использовать спирт как можно экономнее... Такая погода не может стоять вечно, солдаты должны быть готовы к худшему.

– Простите, князь, но уменьшить рацион невозможно...

– А я говорю вам, что спирт им еще понадобится, и скоро. Именно в вашем батальоне, Хабалов, и не далее как вчера, я увидел нечто весьма отталкивающее. Ваши солдаты были так пьяны, словно не переставали пить с первого же дня! Мы что, на пирушку с вами, в кабаке собираемся?! Они пели, кричали, требовали, чтобы их пропустили вперед других батальонов, потому что они спешат. В походе, подобном нашему, не может быть спешки, у нас нет ни первых, ни последних, и им не придется долго ждать, чтобы понять это.

«Странный он человек... Разве это плохо, что солдатам весело, и они не задают лишних вопросов?» – подумал граф Хабалов, но князь словно прочел его мысли. Глядя в одну точку перед собой, он произнес тихим голосом:

– Я полагаю легкомыслие большой ошибкой. Человек не может не задумываться о своей судьбе, не может идти вперед, не видя цели и не думая о будущем. Даже если это всего лишь двадцатилетний крестьянский парень, простой солдат...

Дни шли за днями, и ничто не нарушало спокойного ритма марша и умиротворенного состояния природы. Колеса повозок, конские копыта и солдатские сапоги оставляли на запорошенных снегом, едва различимых дорогах Зауралья длинный змеистый след, недолговечный, как любые отпечатки на снегу. Как по волшебству, он снова и снова исчезал, будто никого здесь и не было, словно этому невероятному походу было суждено не оставить никаких следов, словно кому-то хотелось заманить, увести самый верный царский полк, славное детище Петра Великого, как можно дальше от мира.

Каждое утро князь выпивал чашку кофе, приготовленного ординарцем Алексеем, человеком странного происхождения, отец которого был армянином, а мать – француженкой, парижанкой, говорившей с сыном только по-французски, и зарывался в географические карты, подсчитывая, какое расстояние они прошли и в каком месте находятся. Их марш все больше напоминал ему плавание в открытом море...

Он раскрывал папку, где хранил самые важные документы, и всякий раз ему попадался на глаза бумажный свиток, в котором золотыми буквами были вытеснены имена и звания самых близких его друзей, высших офицеров, разбросанных по всей России вместе со своими полками этой войной, такой непостижимой для него самого и для его солдат, бесполезно блуждающих по Сибири ради химеры, ради несуществующей цели. Сердце грустно щемило, когда

глаза пробегали по списку таких знакомых и таких далеких имен: Долгоруков, Алексеев, Данилов, Колчак, Непенин... Где сражаются они теперь? Наверное, рядом с царем, если он действительно в опасности. А может, на прежнем месте, в Галиции, под началом великого князя Николая Николаевича, кто знает... Вот уже больше года он не имеет от них никаких известий, между ним и остальным миром день за днем, месяц за месяцем вырастает невидимая стена. Все стало таким призрачным, даже его солдаты кажутся ему иногда невесомыми, бестелесными тенями. Господи, какая печальная им суждена дорога. Вот и небо, оно такое же странное, висит бесцветным полотном, и солнце сибирское, белесое и холодное, выглядывает из-за облаков...

К реальности его возвращали звуки трубы, зовущие в путь. Он смотрел, как быстро строится в идеально ровные колонны самый лучший российский полк, и, понимая бесполезность этих выверенных долгими тренировками движений, бессмысленность отрывистых команд, бесцельность ритуалов, все же забывал на минуту о Вахитино и думал о Тобольске, гордился своими солдатами и надеялся на лучшее. У них был еще один день, чтобы продолжать поиски императора. Еще один невероятный, нереальный день.

А солдаты во время привалов продолжали учения и тренировки. Еще по дороге в Вахитино пришлось переформировать все взводы, чтобы меньше чувствовались потери. Сейчас же казалось, что в испытаниях полк обрел новую мощь и подвижность, и это наполняло гордостью сердце князя. Не хватало только подходящего врага.

В третьем батальоне, в том самом, который благодаря капитану Карелю лучше прочих сохранил свое лицо, поддерживалась самая суровая дисциплина и самый высокий боевой дух. Солдаты стремились найти царя, где бы он ни находился, им казалось невероятным, что кто-то дерзнул восстать против государя. Именно в этот батальон чаще всего направлялся князь Ипсиланти во время своих ночных обходов. Он тешил себя мыслью, что вот оно – воплощение неумирающей верности, самое сердце полка, который во всех боях показывал свое неоспоримое превосходство над врагом.

Однажды вечером, закутанный поверх шинели в плащ так, что его нельзя было узнать, сливающийся с темнотой, он остановился около палатки с кухней. Оттуда доносился разговор двух солдат, от которого у князя защемило сердце.

– Ты думаешь, дойдем мы?

– Что ж, если погода не переменится, вскорости должны в Тобольск прибыть. Не чую часа, когда можно будет в тепле выспаться, да не на шинели, а на печке. Подальше от начальства, поближе к дамочке какой-нибудь, и чтобы было что выпить... Устал я от войны, не могу больше...

– Какая тут война? Если доберемся до Тобольска, с кем там воевать, кроме печки да дамочек! Царь ждет нас, чтобы вернуться в Санкт-Петербург...

– Не понимаю я тебя. Конечно, если прикажут, мы пойдем, но неужто тебе не хочется остановиться на месяц-другой в городе? Знаешь ведь, в Вахитино ни постелей, ни квартир, ни женщин – ничего не было. Тобольск – большой город, Федор там бывал. Царь, он ведь и подождать чуток может, пока мы передохнем! Нет ему нужды в нас – заморенных да заезженных, ему нужны ловкие да умелые.

– Что ты говоришь, Ваня! Совсем ума лишился! Где ж это видано, чтобы царь нас ждал! Это мы его ищем, а не он нас, ни ты ему не нужен, ни я, никто из нас...

Ответа не последовало.

В тишине оба солдата пододвинулись к печке и протянули руки к огню. Пламя осветило их лица с ввалившимися глазами, заросшие: князю показалось, что он впервые видит своих солдат. У одного из них на подбородке виднелся длинный белый шрам от ранения, на котором не росла борода; у него был затравленный и опустившийся вид, скорее всего это был тот, поскромнее, которого пугала мысль о том, что царь должен ждать своих солдат. Второй, худой

как скелет, был более аккуратным, прибранным каким-то, его усталое лицо казалось даже красивым.

Ипсиланти отвернулся и пошел дальше. Он поднял глаза к небу, на котором сияли звезды. Та тары, монголы, буряты – сколько еще народов прошло здесь, не оставив следа, растворилось, как пенистый гребень, поднятый океанским кораблем, а вернее, гребни, которые вспениваются и обрушиваются друг на друга, исчезая навсегда. Он, который командовал всеми этими людьми – и теми, кто верил в Христа, и теми, кто почитал Аллаха, и теми, кто оставался приверженцем Иеговы, – чувствовал, как время проходит сквозь него, что они теперь – одно целое, и все стирается, все забывается, и никто не услышит больше тех двух солдат его полка – они навсегда останутся там, у огня. В Тобольске их полк никто не ждет, он прекрасно знал это. Но знал и то, что его героическая и жестокая авантюра растворится в вечности, как растворились все предыдущие, забудется и превратится в пыль на бесконечных сибирских дорогах.

Он вспомнил последнюю встречу с царем в Царском Селе. Да, они виделись после того, как Германия объявила войну. Это не было сном. Они проговорили примерно полчаса о последних телефонных звонках кайзеру. Нет, это был не сон. Ипсиланти повторял себе эти слова, как заклинание, снова и снова, словно кто-то оттуда, из лагеря, все время спорил с ним и шептал на ухо: нет, нет, ты обманываешь, эти зеленые глаза и борода с проседью, почти стершиеся из твоей памяти, принадлежат вовсе не государю всея Руси, а кому-то другому.

Шли месяцы, и солдаты Ипсиланти с каждым днем все острее чувствовали, что дорога, по которой они движутся, ведет в никуда, что они снова заблудились, как тогда, до Вахитино. Но где же они? Куда их занесло? Что это за земля?

Как-то вечером офицеры собрались в палатке Ипсиланти для обычного рапорта. Вахитино было оставлено много недель назад, и среди офицеров все больше укреплялось мнение, что пятьсот верст, которые прошли они после этого Богом проклятого места, куда завел их сам черт, не слишком-то приблизили полк к Тобольску.

И все же солдаты шли хорошо. Они не давали повода упрекнуть их в лени или безволии. Примерная дисциплина, такая же идеальная, как и погода, позволила им проделать такой путь, дойти сюда. А вот что значило это «сюда»? Сами офицеры тоже не знали, что сказать по этому поводу, поскольку карты империи об этой бесконечной стране лесов, примыкающей к Оби, молчали. Чистое белое бумажное пространство, ни озера, ни города, ни горной гряды, не говоря уж об узенькой красной змейке железной дороги. Только большие черные буквы С и И, две первые буквы от слова «Сибирь». По карте, составленной в петербургском Военно-географическом институте еще во времена Екатерины Великой, полк находился сейчас здесь, где-то около первой таинственной буквы.

– Князь, неужели мы когда-нибудь доберемся до Тобольска?.. – прозвучал тихий вопрос, когда Ипсиланти склонился с секстантом над картой, чтобы проверить положение полка, примерно обозначенное адъютантом. Он сразу же узнал этот голос, голос Кареля, и, не поднимая головы от своих расчетов, сквозь зубы процедил:

– Господин капитан, я вас не понимаю. Безусловно, доберемся. Все знают, что государь ждет нас там. Прошу вас больше подобных вопросов не задавать!

Слова, как шары, падали в напряженное молчание, которое делало их еще безумнее. Значит, этот человек пытается ломать комедию даже перед теми, кто знал, как начиналась их вынужденная авантюра, их рискованный обман? Может, он действительно сошел с ума? Он больше не хочет знать правды! Хабалов повернулся, чтобы сделать знак командирам второго и четвертого батальонов, а потом и самому Карелю, чтобы тот молчал и дал высказаться ему:

– Князь, простите старого солдата, но нельзя отказывать приговоренному к смерти в последнем желании... Скажите, это вы – тот волшебник, который вызвал весну посреди сибирской зимы? Если это так, мы поверим и всему остальному, что вы говорите!

– Вы непочтительны, полковник! Я вам не позволяю говорить со мной, вашим командиром, таким тоном! Из-за уважения, которое я питаю к вашим боевым заслугам, я сделаю вид, что ничего не слышал. Если бы мы сейчас были в штабе верховного главнокомандования, я бы этого так не оставил.

«Но мы-то не в штабе», – подумал старый полковник, глядя на походный столик для военных карт, на котором уместились рамка с портретом императора, серебряный подстаканник с гербом, хлыст с рукояткой из слоновой кости, ручки, компасы, секстант – все эти напоминания о цивилизации, такой непреодолимо далекой от этих мест, куда их занесло. От мест, где на дорогах, запорошенных снегом, не оставалось ни колеи от колес, ни следа от сапог, чтобы подтвердить, что есть еще в мире что-то прочное и постоянное – столица, верховное командование, императорские войска.

Конечно, Ипсиланти мог притвориться, что не слышал вопросов своих офицеров. Здесь не было никого, кто мог бы заставить его слушать. Он мог почувствовать себя Богом в пустыне настолько, чтобы уверовать в правду вместо выдумки. В конце концов, что могло быть правдой в подобном месте? Возможно, и сами солдаты только притворялись уверенными в реальности поставленной цели, тогда как на самом деле были загипнотизированы страхом перед истиной настолько, что теперь им хотелось лжи, а не истины. На днях он слышал один разговор – двое ссорились из-за того, кому стоять в личной охране государя, когда они доберутся до Тобольска. Один из споривших вспоминал тот единственный случай, когда ему посчастливилось увидеть царя, принимавшего на плацу смотр, но вдруг остановился на полуслове: «И все же там ничего не видно, впереди, совсем ничего...» Он со злобой повернулся туда, где солнце опускалось к горизонту меж набухших и низких облаков, холодное сибирское солнце. Его товарищи тоже примолкли, вглядываясь в неподвижную даль.

Несколько дней спустя заледеневшая земная твердь словно дала трещину и выпустила наружу все свои тайные силы. Та лая вода и грязь парализовали движение; весна началась мощно и внезапно, как начинается лихорадка. Пришлось мастерить мостки и переходы, целые настилы из досок; началась многочасовая работа инженеров, саперов, мостостроителей, которые должны были обуздать безумствующую землю, в несколько дней превратившую вечные льды в озера со скользким, либо засасывающим дном. Без этого было бы невозможно перехитрить природу, спасти артиллерию и повозки от топкой грязи. Теперь уже весна, короткая сибирская весна манила эти молодые тела отдохнуть, напоминала о всех оставленных ими удовольствиях и спокойном сне; весеннее брожение и неудовлетворенность были хуже всех зимних мук.

Но сам Ипсиланти был доволен. Он смотрел на лихорадочный энтузиазм своих солдат и думал о том, что поход все-таки удался, несмотря на кое-какие потери, что эта странная, поразительно мягкая зима уступила, наконец, место вполне нормальному, законному лету. Неважно, что Тобольск еще далеко, что им так и не удалось добраться до телеграфа, что они снова заблудились. Он был доволен несмотря ни на что.

– Алексей, принеси мне сигары и одну возьми себе.

Ординарец Ипсиланти, который прислуживал князю вот уже десять лет, не оставляя его даже в заграничных путешествиях, принес круглую шкатулку с выгравированными инициалами, но садиться не стал и закурил стоя. Ипсиланти знал, что не стоит уговаривать ординарца сесть, – у того всегда было собственное представление о порядке и дисциплине.

– Как ты думаешь, завтра можно было бы и птиц пострелять, вспомнить добрые времена?

Князь знал страсть Алексея к охоте и, когда бывал в добром расположении духа, подшучивал над этим.

– Нет, ваше высокопревосходительство, нельзя в эту пору, гнездятся они, нехорошо стрелять, когда у них самая любовь.

– Да, Алеша, ты прав, нельзя трогать природу, беспокоить ее, мы и так от нее такие поблажки получили, наперекор всем законам...

Алексей, привыкший к тому, что князь подолгу может говорить сам с собой и не нуждается в собеседниках, ничего не ответил, только выпустил большое облако дыма.

Глава четвертая

Из окна Ипатьевского дома Николай смотрел на безлюдную аллею. Оттуда не слышалось выстрелов – они всегда доносились с другой стороны. Если бы вдруг... если бы чудо все-таки произошло и эта улица соединила его со всем остальным миром... Но на долю его семьи выпало столько чудес, что нужно быть благодарным и за это и не рассчитывать на большее. Когда четырнадцать лет назад обнаружилось, что его новорожденный мальчик болен гемофилией, спасло сына только чудо, и это чудо, воплотившееся в Распутине, еще не раз приходило на помощь.

Аликс, она просто преклонялась перед Распутиным! Но Николая, хотя и понимавшего, что сыну в лице этого человека ниспослана защита каких-то высших сил, все же ни на минуту не оставляло ощущение опасности, угрозы, которая от того исходила. Старец лишил его, царя, харизмы, сделал то, что когда-то пытался проделать с Петром Великим колдун Симеон. Власть, которую он, царь, не знал куда и как приложить, не могла и не хотела оставаться неиспользованной и сама отправилась на поиски нового хозяина. Эта харизма власти, принадлежавшая еще царю Алексею Михайловичу, Алексею Тишайшему, отцу Петра Великого и самому достойному из предков по мнению самого Николая, – эта харизма всегда была прерогативой истинных монархов. И если сегодня европейские династии в упадке, то причина в том, что короли лишились харизмы, опустились до уровня президентов, чиновников.

Сам он стремился обладать всей полнотой власти и потому не хотел принимать высшего пророческого дара от крестьянина, грубого и полного животных инстинктов. И многим думским реформам нужно и можно было воспротивиться, отвечая лишь одним: «Сердце государя в руках Божьих, поэтому не может ошибаться». Вот чего всегда хотел русский народ, вот чего от него, царя, ждали веками. Но Аликс всеми способами мешала ему. Лишившись покоя из-за того, что родила долгожданного наследника таким больным, негодным для трона с точки зрения всех европейских канцелярий, она поступилась монаршим достоинством, положив его к ногам Распутина, дабы только вылечить царевича. Может, в этом и состоял самый страшный грех самого Николая – тогда он слишком слабо боролся против распространения при дворе, прямо у царского трона, этих чар, не освященных целесообразностью монархии.

Однажды погожим осенним вечером незадолго до начала войны в Царском Селе был устроен ужин в тесном кругу: только его семья и Распутин. Юные великие княжны, одетые в черный шелк по случаю траура по недавно умершему великому князю Алексею Александровичу, дяде отца, казались еще бледнее и красивее. Дикому сибирскому старцу не удавалось сдерживать в пылающем, лихорадочном взгляде выражение беспокойства и страдания, и даже старания и особо внимательное обращение императрицы, которая лично за ним ухаживала, не помогали вернуть ему доброе расположение духа. Великая княжна Татьяна, вторая дочь царя, будила в Распутине непотребные мысли и желания; в ее лице была та же холодная красота, что и у сестер, но вместе с тем в ней чувствовалась древняя и роковая сила, которая помогала ей не отводить глаз, когда он смотрел на нее своим магнетическим, сверлящим взглядом. Аликс казалась отрешенной, ее мысли были где-то там, в комнатах, где лежал ее сын, страдавший от очередного приступа болезни. Николаю хотелось поговорить с Распутиным о русской церкви. Он знал, что тот называет попов паразитами и презирает их за лень, суеверия и неспособность к предвидению. Ему не терпелось переубедить Распутина, утверждавшего, что чудеса – это единственное свидетельство истинности церкви. Религия и церковь только там есть, говаривал старец, где чудо вершится, и где человек имеется, что творить его умеет.

– А не кажется ли вам, дорогой Григорий, что если бы наша церковь держалась только на чудесах, то это значило бы, что люди больше не верят в Бога? – спросил Николай.

– Почему же, царь-батюшка?

– Это значило бы, что люди больше не полагаются на веру, а полагаются только на факты и на сверхъестественное! Где же тогда свобода верить или не верить? Не кажется ли вам, что самый сверхъестественный факт в религии не чудо, а сама вера, сила жить и надеяться, которая дарит свои богатства всем, подумайте хорошенько, всем, а не каким-то исключительным личностям!

К неопределенным, размытым ответам Распутина, который сразу же понял, к чему его хочет подвести августейший собеседник, Николаю хотелось добавить, что, поскольку все божественное подразумевает возможность непризнания, русские могли и должны были верить и далее своей церкви, испорченной богатством и паразитирующей, которая в их вере черпала собственную чистоту.

Царь думал о том, что и его власть, и русская церковь – обе они находятся под угрозой распутинских чудес и пророчеств. Но старец казался тогда таким неуверенным, пытался перевести разговор на другую тему, его взгляд во время разговора то был устремлен в одну точку, то метался от одного из сотрапезников к другому. На помощь Распутину пришла царица с вечным разговором об Алексее и о молитвах, которые могли помочь его выздоровлению. И пока Аликс голосом, полным боли и беспокойства, упрасивала его молить Господа за наследника, Распутин снова подумал о пропасти, что разделяла Татьяну и ее семью, обратив внимание на гордое и какое-то недоброе выражение ее лица.

Недоверчивый и растревоженный взгляд Распутина навсегда остался в памяти Николая. Когда старец подошел, чтобы проститься, и опустился на колени, Николай тут же поднял его, и тот, уставившись на него своими ужасными глазами, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.